

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТЕКСТЫ ДОСТОЕВСКОГО

«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ». ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ (Публикация Т. И. Орнатской)

«1»

- Я сама хочу спать — того нужнее.
- Зачем писем не распечатываете.

Ив(ан) Фед(орови)ч. Вот мое мнение о христианстве.
Алеша: И ты тоже.

Ложесна разверз.

Очень не буду тужить.
Не хочу ни за что тужить

«2»

Души проклинающие бога
Портрет вековечный
Tu es un riche

«3»

Необыкновенное свойство не хотеть ждать

Он тоже с низкими целями приходил. О [все] они, все они
таковы, все до единого

А коль никакого обмана не будет, то и еще 40 тысяч донесу

Чрезвычайная важность каждой новой строки или наброска, отражающих ту или иную стадию работы над «Братьями Карамазовыми», объясняется незначительным (по сравнению с другими романами) количеством известных на сегодняшний день рукописных текстов этого романа. Публикуемые выше впервые наброски не меняют общей картины, предложенной в 15-м томе академического издания, творческой истории романа, а лишь в какой-то мере дополняют ее, подтверждая тот вывод, что почти все они нашли отражение в окончательном тексте романа и, как правило, предшествовали переходу к последовательному связному повествованию (15, 413, 605).

Первый набросок (<1>) состоит из четырех записей. Он относится ко второй части романа — к различным главам четвертой и пятой книг. Датируется концом ноября 1878 г. (он сделан на конверте письма В. С. Соловьева к Достоевскому от 26 ноября 1878 г. — ГБЛ, ф. 93, II.8.12 об.), что несколько расширяет ранее обозначенные рамки работы над этой частью романа (см.: 15, 421).

Первая строка отразилась в конце главы IV «У Хохлаковых» книги четвертой «Надрывы», в сцене Алеши, Лизы и госпожи Хохлаковой («А я спать хочу, я всю ночь не спала ∞ А ведь в самом деле она, может быть, при вас спать захотела» — 14, 168—169), вторая — в главе I «Сговор» книги пятой «Pro и contra», в сцене Лизы и Алеши («...и знайте еще, что я все письма ваши буду распечатывать...» — 14, 200). Две следующие строки — диалог Ивана и Алеши — реализовались в главе III «Братья знакомятся» той же книги (14, 213—241). Фраза «ложесна разверз» вложена в уста Смердякова, повторяющего «библейзм» Григория («II. Смердяков с гитарой» — 14, 204); в исполняемый Смердяковым «романс» вошли и несколько измененные заключительные фразы наброска (14, 206).

Следующий набросок (<2>) соотносится с книгой шестой «Русский иннок»; обнаруживается он в главе III «Из бесед и поучений старца Зосимы» и датируется концом апреля 1879 г. (по местонахождению на странице газеты «Новое время» за 21 апреля 1879 г. — ГБЛ, ф. 93.I.3.65), что также расширяет хронологические рамки работы над шестой книгой (ср.: 15, 425). Набросок состоит всего из трех фраз: «Души проклинаящие бога», «Портрет вековечный» и «Tu es un riche».¹ Причем они, в отличие от приведенных выше, не являются «заготовками» будущих фраз или диалогов. Это скорее всего темы будущей главы. В самом деле, первая фраза переросла в целое «мистическое рассуждение» старца Зосимы «О аде и адском огне...» (15, 292—293); вторая отразилась лишь в первоначальных набросках к главе «Великий инквизитор» (15, 231: «А потому прими бога, тем более что это вековечный старый боженька и его не решишь...»).

Со второй частью романа соотносится и третий набросок (<3>) из трех записей, содержащийся на конверте письма В. Ф. Пуцыковича Достоевскому от 9 марта 1879 г. (ИРЛИ, ф. 100, № 29828).²

В отличие от предыдущих отрывков эти наброски не отразились в окончательном тексте романа, хотя и по времени написания (на ближайшем письме Пуцыковича от 23 мая (4 июля) 1879 г. есть еще набросок к «Братьям Карамазовым») и по тональности они явно связаны с ним (кстати, ведь и не все известные черновые рукописи романа нашли отражение в дефинитивном тексте). Лишь последняя фраза соотносится с одним из черновых отрывков (тоже не отразившимся в окончательном тексте), в котором речь идет «об 40 000 отцовских денег» (15, 230).

В заключение остановимся еще на двух набросках, являющихся непосредственными «заготовками» к роману.

Первый из них ошибочно опубликован в разделе «Наброски и планы 1874—1879» под номером <3> (17, 14). Он связан со второй книгой первой части романа и представляет собою единственный след работы над главой VII «Семинарист-карьерист».

Первая строка наброска: «Столкнулись твое лбами» — в несколько измененном виде вложена в уста Ракитина, объясняющего Алеше, что в его семье «может столкновение произойти уголовное»: «Состукнулись

¹ «Ты богач» (франц.).

² Они воспроизведены в книге «Описание рукописей Достоевского» (М., 1957, с. 465) без разделения на выдержанные в автографе отдельные части и с неверным чтением последних слов: «40 <руб.> донесу» вместо «40 тысяч донесу».

трое лбами, а ты, пожалуй, четвертый» (14, 74 и 75). Забыл ли Достоевский, что уже употребил это выражение, или он придавал ему особое, ключевое значение — неясно, но он еще раз ввел его в роман. На этот раз Митя, убеждая купца Самсонова дать ему три тысячи, говорит: «... тут трое сестукнулись лбами...» (14, 335). Следы второй строчки наброска («Да я и не думал думать») обнаруживаются в этой же главе, несколько выше, в разговоре Ракитина с Алешей о том же ожидающем семью преступлении («Что ты? Да неужто и ты уж думал? — вскричал он. — Я... я не то чтобы думал ∞ мне и показалось, что я про это сам думал» — 14, 73; ср. также: 15, 263: «Алеша: Я и думать забыл»). И наконец, третья фраза — «Все это старая музыка» — буквально произнесена Ракитиным на этих же страницах романа: «Все это, брат, старая музыка» (14, 74). К третьей части романа относятся еще два наброска, ошибочно включенные в тот же раздел «Наброски...» под номером <2> (см.: 17, 13).

Первый из них («Какова я собою, чтобы все устроилось») представляет собою часть монолога Грушеньки, обращенного к Ракитину (глава III «Луковка» — 14, 322—323; ср. также: 15, 262). Второй («Поглядела на него и удивилась»³ — Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал, так как это дело, так сказать, семейное») является одной из ранних разработок главы V «Внезапное решение» книги восьмой «Митя» и главы I «Начало карьеры чиновника Перхотина», открывающей книгу девятую «Предварительное следствие» (подробно о работе над этой главой см.: 15, 433). В этих главах мечущийся по городу Петр Ильич Перхотин боится «надеть» скандала и, размышляя об этом, врывается в дом купчихи Морозовой к Фене (14, 369, 401—402).

³ В 17-м томе ошибочно: «Поглядела на него с удивлением» (17, 13).